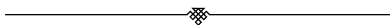

Осип
МАНДЕЛЬШТАМ

Стихотворения

Москва
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
М23

Составитель *П. Басинский*

Серия «Золотая серия поэзии»

Оформление А. Новикова

Серия «Всемирная библиотека поэзии»

Оформление *А. Саукова*

Мандельштам, Осип Эмильевич.

М23 Бессонница. Гомер. Тугие паруса / Осип Мандельштам. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-699-66892-2 (ЗСП)

ISBN 978-5-699-76976-6 (ВБП)

Осип Эмильевич Мандельштам (1891 — 1938) — один из самых значительных русских поэтов Серебряного века. «Конечно, наш первый поэт...» — говорила о нем Анна Ахматова. Судьба Мандельштама, погибшего в пересыльном сталинском лагере под Владивостоком, горька, но и блистательна: за короткий жизненный срок он оставил поэтическое наследие, сделавшее его одним из величайших поэтов XX века.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-699-66892-2 (ЗСП)

ISBN 978-5-699-76976-6 (ВБП)

© П. Басинский, послесловие, 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?*

*За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?*

*Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.*

*На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло,*

*Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.*

*Пускай мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть!*

1909

Осип Мандельштам. 1909 (?) г.

О небо, небо,
ты мне будешь сниться!

Ося Мандельштам. 90-е годы

Случилось так, что раннее мое петербургское детство прошло под знаком самого настоящего милитаризма, и, право, в этом не моя вина, а вина моей няни и тогдашней петербургской улицы.

Мы ходили гулять по Большой Морской в пустынной ее части, где красная лютеранская кирка и торцовая набережная Мойки.

Так незаметно подходили мы к Крюкову каналу, голландскому Петербургу эллингов и нештуновых арок с морскими эмблемами, к казармам гвардейского экипажа.

Тут, на зеленой, никогда не еженной мостовой, муштровали морских гвардейцев, и медные литавры и барабаны потрясали тихую воду канала. Мне нравился физический отбор людей: все ростом были выше обыкновенного. Нянька вполне разделяла мои вкусы. Так мы облюбовали одного матроса — «черноусого» и приходили на него лично посмотреть и, уже отыскав его в строю, не сводили с него глаз до конца учения. Скажу и теперь, не обинуясь, что, семи или восьми лет, весь массив Петербурга, гранитные и торцовые кварталы, все это нежное сердце города, с разливом площадей, с кудрявыми садами, островами памятников, кариатидами Эрмитажа, таинствен-

ной Миллионной, где не было никогда прохожих и среди мраморов затесалась всего одна мелочная лавочка, особенно же арку Главного штаба, Сенатскую площадь и голландский Петербург, я считал чем-то священным и праздничным.

Не знаю, чем населяло воображение маленьких римлян их Капитолий, я же населял эти твердыни и стогны каким-то немислимым и идеальным всеобщим военным парадом.

*О. Мандельштам.
«Ребяческий империализм»*

Камень

* * *

Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с дерева,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...

1908

* * *

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки;
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.

О, вещая моя печаль,
О, тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!

1908

* * *

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Все большое далеко развеять,
Из глубокой печали восстать.

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю
Оттого, что иной не видал.

Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели,
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.

1908

* * *

Нежнее нежного
Лицо твое,
Белее белого
Твоя рука,
От мира целого
Ты далека,
И все твое —
От неизбежного.

От неизбежного —
Твоя печаль,
И пальцы рук
Неостывающих,
И тихий звук
Неунывающих
Речей,
И даль
Твоих очей.

1909

* * *

На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Березы ветви поднимали
И незаметно вечерели.

Узор отточенный и мелкий,
Застыла тоненькая сетка,
Как на фарфоровой тарелке
Рисунок, вычерченный метко, —

Когда его художник милый
Выводит на стеклянной тверди,
В сознании минутной силы,
В забвении печальной смерти.

1909

